

Сергей Анисимов

Анисимов Сергей Михайлович, 1954 года рождения. Образование: Новосибирский авиационный техникум, технолог. Имеет несколько лет педагогического стажа в качестве преподавателя физкультуры. С 2001 по 2012 год был учредителем и руководителем организации «Деревянное домостроение». Педагог дополнительного образования. В настоящее время учится на третьем курсе Новосибирского Государственного педагогического университета, заочное отделение, факультет «Психология».

Цветочник (1-ая часть)

Когда человеку тридцать пять, сколько было Василию Ефимову, то, уже только поглядев на его жизнь, можно с точностью сказать, кто он, что он и кем ему уже не быть.

Внутренне принято и обжито положение неудачника – не было решительно ни одного дела, где бы он преуспел. Жена, дочь, работа истопником в котельной, дом, оставленный тещей, – вот, пожалуй, и весь портрет Васька, которого так называли и стар и мал.

В том году, о котором идёт речь, в котельной увеличили подачу тепла в связи с тем, что сдали новый дом. И надо сказать, что теплотрасса рядом шла с забором Ефимовых, и в одном месте снег никак не ложился зимой и вытаивал, а после того, как тепла добавили, проталина проползла под забором и освободила значительную часть в огороде. Ефимовы, может быть, ещё тянули бы с постройкой зимней теплицы, но обстоятельство, что земля даже в мороз не была холодной, их подтолкнуло.

Хотя и с большим «скрипом», но удалось жене выписать кирпича у себя на заводе, Васёк натаскал с кочегарки половника, битого, уже использованного кирпича, купили рамы,

стекла, цемента. Хоть и не бог весть какое сооружение теплица, но потребовала затрат и финансовых, и физических, и профессиональных не малых, ох, не малых. Разводили раствор, клали кирпичную стенку, стеклили рамы, вставляли их, конопатили, получалось не всё и не сразу, подгоняли двери, замазывали щели, но работали с энтузиазмом – вся семья не считалась со временем. И вот, примерно через месяц, Василий в уже построенную теплицу втащил металлическую печь, «подшаманил» её и ... затопил.

Тут же выяснилось, что тепло легко уходит, законопачено слабо, а стёкла нужны двойные. И вновь работа, но и после того, как всё было доделано и переделано, тепло оставалось в теплице, лишь пока горел в печи огонь, затем продолжало упорно уходить. Василий ещё перекрыл стены фанерой, засыпал шлак, удалил в своей теплице все предположительные места ухода тепла, и только теперь почувствовал – всё!

После недолгого думания, решили засадить землю цветами. Был конец января, и цветы, в случае удачи, могли, конечно, найти своего покупателя.

Итак, появилось у Васька своё детище, к которому пристал он всей душой.

На день много раз зайдёт утеплить, ночью раз-два сбегает, подтопит. Набрал в библиотеке журналов, обложился ими.

И вот через некоторое время, зайдя утром в теплицу, заметил крохотные, слабенькие побеги, которые ровными рядами повывезали из земли. Радость и надежда удвоили старания Васька, он бы, наверное, и ночевал около них, если бы место было.

Всеобщая радость царила в доме, когда беззащитные росточки буквально по дням начали набирать рост и силу, раскрывали бутоны и жадно впитывали в себя солнечный свет.

Спустя некоторое время наступил торжественный день. Все цветы были аккуратно срезаны с заботой, уложены в боль-

шую хозяйственную сумку и отправлены вместе с Васьком на рынок.

Цветы, выращенные в теплице сибирского города, имели столько же общего со цветами-южанами, сколько их невозмутимые и гордые хозяева, приезжие загорелые мужчины, с видом растерянного, не знающего как себя вести Васька. Яркая, самодовольная сочность прибывших за тысячи километров южан и нежно-розовый оттенок бутонов и светло-зелёная окраска стеблей сибиряков привлекали посетителей рынка.

Многие люди, покупавшие цветы, брали у южан и составляли букеты с цветами Василия.

Не прошло и двух часов, как Вася застегнул свою сумку и пошёл к выходу. Было радостно, в кармане он нёс полуторамесячную зарплату. Бессонные ночи, вечные хлопоты, заботы – всё было забыто в эти минуты торжества, победы.

В душе Васи даже начали просыпаться чувства, о которых он не подозревал – чувство снисходительности ко всем остальным людям. Правда, какая-то тень сомнения вползла в его душу. Вася поначалу не понял, откуда это вдруг в этом море безбрежной радости и удовлетворения могло появиться место для такой тени. Потом вспомнил.

Пожилая женщина с маленькой девочкой проходила мимо цветочника и его цветов. Девочка подбежала, ей, наверное, очень понравились цветы, что она даже протянула руку к цветку, но мама, взглянув на цену и на Васю, опустила глаза, тихо сказав: «Очень дорого, у нас нет для этого денег». У Васи было желание дать девочке цветок, и он бы так и сделал, но количество цветков и денег за них было посчитано на бумажке заранее, а бумажка лежала в буфете, поэтому не получить денег за цветок значит сделать что-то не так, не по бумажке. Это, наверное, и удержало Васю.

Но все эти сомнения уместились в одной минутке, остальное же время – это заслуженная радость его, его жены, его дочери.

Успех окрылил Васю, и он с ещё большим усердием принялся за своё любимое занятие. Опять ночные подъёмы, дневная слежка и бесконечные волнения: нет ли угрозы росткам от холода, недостатка в почве питания, влаги, избытка в воздухе дыма ... Здоровьем Вася никогда не отличался, но, несмотря на это, поглядев на его заботы и старания, никто бы не осмелился сказать, что смог бы выкладываться больше него.

В буднях подошли майские праздники. Пришло время срывать цветы, что и было сделано с привычным нетерпением. И вновь стоял Вася среди заезжих гордых южных мужчин в ряду на крытом городском рынке и продавал свои цветы. Цветы хоть и менее яркие, чем приезжие, но несколько не уступающие им в цене. Вновь после того, как последние купюры были положены в карман, чувство большого и заслуженного удовлетворения нахлынуло на цветочника, и он не отбивался от него, предоставив ему себя затопить. Но что-то мешало. Вновь, какая-то крохотная неудовлетворённость в самой глубине души. Что это? Может быть взгляды людей, смотревших цену и молча проходивших мимо. Может, это дружная нагловатая кучка заезжих торговцев, с которыми он стал одним целым, сросся с ними и в тоже время внутренне сопротивлялся этому.

Дорога шла через центральную часть города. Сияло солнце. У киосков уже шла оживлённая торговля соками. Вася встал в очередь, предаваясь своему настроению, слушая весёлый говор двух молодых людей, вставших за ним. Парень шутил, девушка, державшая его пиджак, смеялась. Вася тоже, непринуждённо что-то острил, все смеялись. Мир был полон радости, как, впрочем, и душа цветочника. Идя дальше вдоль

обочины дороги, Вася вдруг увидел, что на проезжую часть вылетает шарик, и за ним стремительно бежит ребёнок лет четырёх-пяти. У Василия вырывается крик: «Ты куда? Стой!». На малыша, выехав из-за поворота на большой скорости, летит «Москвич». В это время из толпы зевак, словно тень, бросается наперерез машине человек и выталкивает ребёнка из-под колёс, не успев самому сдвинуться с места. Удар бампером, и машина, проталив человека метров пятнадцать, ударяет его о столб. Визг тормозов, крик женщины, плач испуганного, но неврежденного малыша, паника людей, невесть откуда взявшаяся скорая – всё смешалось в сознании цветочника. В этом хаосе подробностей, суеты и женских рыданий цветочник увидел до невероятности спокойное лицо того самого парня, вытолкнувшего малыша из-под колёс.

Он сидел спиной к столбу и спокойно смотрел на эту панику, глаза его были полужакрыты, а лицо так спокойно, словно он не имел никакого отношения к этой суете людей и в то же время словно он один знал истинный смысл того, что здесь произошло.

Пришёл домой, от еды отказался, рассказал жене, та поохала и о своём. Он, было, хотел заняться по хозяйству, но всё из рук валится. Сидел не раздеваясь. Смотрел в окно. Долго сидел. К ночи неожиданно пришло в голову, что всё это время думал только о себе, о том, как ему нехорошо и отчего это нехорошо. Засобирился, засуетился. «Пойду в больницу надо узнать, что там... Может, всё обойдётся?» – подумал он. Жена не хотела пускать, но, увидев ту, незнакомую ей, быстроту и суетливость в действиях мужа, отступилась.

Больниц в городе три, но он знал, что с травмами везут в ту, что располагалась у леса. Шёл быстро, почти бежал. Пока бежал, появилась надежда. Вошёл, объяснил дежурной, кто нужен, сказался родственником, та смотрит с жалостью: «Тре-

тъя операция вашему родственнику, надежды никакой», пропустила. Как обухом. Вновь страх за чужую жизнь, и вновь вопросы, на которых нет ответа. В приёмной две женщины шли мимо него, глядели перед собой невидящими глазами. Они уходили, как две старухи, сгорбившиеся от непосильной ноши. Он после узнал, что это были его невеста и мать и что парня не спасли.

Пришёл домой к утру и сразу на дежурство. Вечером после смены поковырялся в огороде. Завтра понедельник, жене и дочке рано вставать, поэтому легли пораньше, но сон не шёл.

Перед глазами вновь стоял ясный солнечный день, ребёнок, несущийся на него автомобиль и, словно тень, метнувшийся под него силуэт парня. А ведь я же был ближе всех к ребёнку, я же мог успеть, но я не двинулся с места. Почему? У меня даже не было такого желания, мысли не было самому под автомобиль. Почему? Но ведь меня можно понять ведь у меня свои жена, ребёнок, цветы. «А у него?» – словно вопрошал кто-то невидимый, но вездесущий. «А может, он похвастать перед своей девушкой хотел? Что я мелю?» – тут же понимал цветочник. «Он был слишком далеко от дороги, и у него не было шансов спастись! Никаких шансов!» – словно кричал кто-то внутри.

«Он не мог не понимать этого, и всё же он выбежал, и даже успел ребёнка вытолкнуть, а сам-то, конечно, остался. А может, он не хотел жить, а может, пьяный был», – пытался спастись от голоса цветочник, но голос был неумолим. Забылся на рассвете, казалось, только заснул, но уже надо вставать. Усталый и измученный пошёл на смену. Всё валилось из рук. Успокоение не шло. Вопрос: почему он не сдвинулся с места, хотя у него было в два, в пять, в сто раз больше шансов спасти и самому спастись, и почему тот, не имеющий никакой надежды на собственное спасение, пошёл на свою гибель

во имя спасения чьего-то незнакомого ребёнка. Вернулся с дежурства пьяный, хотя и на ногах держался устойчиво. Супруга, было, накинулась, да что-то её остановило. Муж никогда решимостью да уверенностью не отличался, а теперь и вовсе стал какой-то блёклый, взгляд рассеянный, отрешённый. Видя его такое состояние, она пробовала его успокоить, но разговор получался странным, непонятным. Сожалела:

– Человек на глазах погиб, его не вернёшь, но ведь не родственник чей!

– Ну и что с того, что не родственник.

– Жить надо, цветы растить.

– Зачем? Ведь живём не так.

– Как же ещё? Как все, так и мы.

– То-то и оно, что не все так-то.

Дни шли, но ничего не менялось. Муж был ко всему безучастен. Жена не знала, что делать: «Впечатлительный уж больно».

Дни шли за днями, с неохотой и большим трудом муж принимался за такое любимое раньше занятие – выхаживание цветов. Но затем словно что-то произошло с ним, приободрился, и дело пошло. Успокоился, видать, время само собой успокоило. Ещё один урожай можно будет снять до лета. Было значительно теплей, а значит, и топить меньше и ухаживать легче за ростками. И вот, под щедрым весенним солнцем, к началу лета уже была готова новая партия цветов. Но надо сказать, что те мысли, которые вернули Васе энтузиазм, были не совсем теми же, с которыми он начинал строить теплицу.

По утреннему городу шёл человек средних лет в шляпе, с портфелем из крокодиловой кожи, и хмуро смотрел на мир. По дороге ему повстречался другой человек – цветочник, расположившийся прямо на тротуаре у ещё неоткрытого рынка. Человек в шляпе хотел было пройти мимо, но цветоч-

ник неожиданно протянул ему несколько цветов со словами: «Возьмите». И добавил торопливо: «Денег не надо». И было в этих словах нечто такое, может быть, даже унижительное, словно бы он спрашивал прощения и знал, что он никогда его не получит, но в то же время не просить не мог. Человек в шляпе хмыкнул, взял протянутые цветы, сунул их как веник в портфель и побрёл дальше.

Утро, набирая силу, выталкивало на тротуары всё новых прохожих. Вася стеснялся предлагать брать цветы. Ему было неудобно. Гораздо удобнее, казалось бы, нацарапать цену на бумажке и молча ждать желающих. Но стоило только подумать о цене, о затратах на цветы, которые надо бы окупить, о своих собственных недосыпаниях, и возникал спокойный и беспристрастный образ сбитого машиной парня, сидящего у столба, его лица, подёрнутого мертвенной бледностью. Или вдруг ни с того, ни с сего двух женщин, сгорбленных двух старух, и дышать становилось тяжело, как будто наваливалась на него тьма.

На центральной улице города стоял человек с полной сумкой нежнейших розовых цветов и, улыбаясь, раздавал их по одному, три, пять цветов. Люди шли и шли, иные подходили, узнавали, в чём дело, улыбались, осторожно брали цветы, благодарили и уходили.

Были здесь и малыши с мамами, и немалая группа студентов, которых Вася поначалу испугался, что они сейчас всё разберут, но тут же выругал себя и твёрдо решил отдать столько, сколько они возьмут. Но студенты вели себя повзрослому. Взяв несколько цветов, тут же подарили их от Васиного и общего имени одной из девушек, поздравив её с днём рождения.

«А вы знаете, что продажа здесь запрещена?» – суровый голос принадлежал стражу порядка. «Эти цветы не прода-

ются, они дарятся», – и, на глазах милиционера, продолжал свою работу. Милиционер, совсем ещё молодой человек, хмурил лоб, пытался вникнуть в ситуацию. Это ему удавалось с трудом. «А это ещё зачем?» – также строго спросил он, когда цветочник протянул ему несколько цветов, завернутые в бумагу. «Это не вам – это вашей девушке», – сказал цветочник. Милиционер, взяв букет, поблагодарил и первый раз улыбнулся...

Дома ждали. Ждали с нетерпением. И дождались. Если сказать, что поступок Васька потряс супругу, это значит, ничего не сказать. Когда она, открыв сумку, долго глядя в пустоту, убедилась в том, что «Ирод» не врёт, и что ни денег, ни цветов у него нет, завопила, а потом началась у взрослой и здоровой женщины истерика с криками и угрозами.

Васёк испугался не на шутку за здоровье жены. Женщина рыдала. Глядя на неё, испуганно плакала двенадцатилетняя дочь, а он не знал, что делать. Так и стоял молча с кувшином воды около них.

Прошли дни. Они несколько успокоили всех. Ваську было очень жаль жену и дочь. Он не один раз пытался объяснить ей о чём-то, ему одному понятном: почему он не смог просто продать цветы.

Жена слушала и в свою очередь тоже убеждала, приводила аргументы:

– Уголь сжигаешь? Кирпич стоит? Стёкла стоят? Семена стоят?

И он не мог отрицать: и труд стоит, и бессонные ночи стоят – всё стоит.

В общем, решила так:

– Раз уж труд свой не ценишь и часть хочешь раздавать, то раздавай, но затраты на теплицу, уголь, семена верни!

В самом начале холодного лета Васёк встал на том же месте около рынка и начал с раздачи цветов, мужественно решив, что затем перейдёт к продаже.

И вот, когда уже совсем было подошло время начать продавать, кто-то радостно поздоровался с ним, как со старым знакомым и остановился, очевидно, ожидая подарка.

«Да я тут уже ... это», – начал было Вася объяснять, путаясь, не в силах поднять глаза, но все же заставил себя протянуть цветы и сразу смог поднять голову, а в глазах твёрдость и спокойствие. А дальше уже не было никаких сомнений, продолжался процесс дарения и был он так прост и радостен, что Василий не заметил, как сумка опросталась.

... По перрону под морозящим дождём, хмурым осенним днём, неуклюже перепрыгивая ручьи и обходя лужи, шёл человек, не зная толком, куда ему идти, но совершенно точно зная, что идти надо.

Знание это не о том, что впереди лучше, но знание о том, что позади быть и жить, так как было, уже нельзя...

